Е. М. ШТАЕРМАН, М. К. ТРОФИМОВА, Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия), М., Изд-во «Наука», 1971, 323 стр.

Рецензируемая монография вышла в свет в получившей уже известность у нас и за рубежом серии «Исследования по истории рабства в античном мире», издаваемой Институтом всеобщей истории АН СССР.

В монографии рассматривается ряд важных вопросов социально-экономической, социально-политической, культурной и идеологической истории ранней Римской империи, и прежде всего одна из самых кардинальных проблем истории античности — сущность кризиса экономики, основанной на труде рабов.

Книга состоит из «Введения», девяти глав и «Заключения». В пяти главах («Источники рабства», «Рабство в сельском хозяйстве», «Рабство в ремесле», «Частные вольноотпущенники», «Императорские и городские рабы и отпущенники») рассматривается положение несвободнорожденного населения Империи. В шестой главе исследуется «Рабский вопрос», в седьмой — «Политика правительства в отношении рабов и либертинов», в восьмой — «Классовая борьба». Эти главы, как «Введение» и «Заключение», написаны Е. М. Штаерман. Девятая глава «Христианство и рабство» написана М. К. Трофимовой.

С самого начала хочется отметить удивительную, при насыщенности книги конкретным материалом, компактность и ясность изложения. Увлекает стройность концепции. Чрезвычайно наглядно прослеживаются связь и взаимодействие экономики, политики, идеологии в их многообразных проявлениях. Достигается это необычайно широким привлечением многочисленных и разнообразных источников: исторических, литературных, философских произведений, надписей, юридических памятников. Материал подобран с максимальной полнотой и изложен так, что читатель может отчетливо представить себе динамику развития италийского рабства на протяжении первых трех столетий новой эры, от его расцвета к упадку, отразившемуся на всех сторонах жизни общества. Рассмотрим главные выводы монографии.

В конце I в. н.э. обнаруживаются симптомы неблагополучия в италийской рабовладельческой экономике, а с середины II в. начинается ее кризис. Суть и причина этого кризиса определены, как показано в рецензируемой работе, несоответствием рабства «возросшему уровню производительных сил». Е. М. Штаерман раскрывает это несоответствие вполне конкретно. Это не только «нежелание рабов осваивать более сложные орудия производства и более трудоемкие методы агротехники, но и нежелание господ повышать умственный и культурный уровень рабов настолько, насколько это диктовалось новыми, возросшими требованиями. Узость соответственного предела для рабов — характернейшее выражение противоречий рабовладельческого способа производства» (стр. 6).

Другое противоречие связано с развитием товарно-денежных отношений в условиях рабовладельческой экономики. На первых порах товарное производство стимулировало рост рабства. В крупных пастбищных хозяйствах, на виллах средней величины создавались оптимальные условия и для специализации работников, и для простой кооперации труда. Достигло расцвета и городское ремесло, успешно конкурировавшее с товарами восточных провинций. И в сельском хозяйстве, и в ремесле получила преобладание денежная аренда. Но в конце концов именно товарно-денежные отношения привели к перенапряжению и подорвали основанную на рабском труде экономику. С конца I в. н.э. мелкие и средние землевладельцы стали разоряться, вновь началась концентрация земель. Но теперь размывалось не крестьянство, как это было во времена Гракхов, а тот слой, который был оплотом рабовладельческого способа производства, — владельцы мелких и средних вилл, ориентированных на рынок. «Именно с их расцветом и упадком связаны расцвет и упадок рабства» (стр. 6).

Концентрируясь в одних руках, виллы нередко сохранялись как самостоятельные хозяйственные единицы, но крупное земельное владение могло превратиться и в единый комплекс, в латифундию, которые «погубили Италию». В латифундиях трудности организации рабского труда резко возрастали. Поэтому многие земли в них пустовали. Это неудивительно — крупные, основанные на рабском труде плантации «могли вообще быть выгодны лишь в таких условиях, какие сложились при капитализме на юге США или в Вест-Индии, т. е. когда производившиеся на них культуры столь высоко ценились на мировом рынке, что связанные с рабским трудом невыгоды окупались с лихвой» (стр. 12). В эпоху Римской империи условия были иными, и крупные имения, основанные на рабском труде, оставались убыточными. Хозяйственные комплексы превращались во все более замкнутые единицы, с собственными ремесленными мастерскими и внутренним рынком. В сфере их влияния оказывались окрестные мелкие землевладельцы и небольшие города.

В первой главе исследуется проблема источников рабства. Очень убедительно обоснован вывод об отсутствии непосредственной связи между развитием или упадком рабовладельческой экономики и числом военнопленных, попадавших на невольничьи рынки¹. Для Империи автор рассматривает следующие источники рабства: естественное

¹ Вывод о важнейшем значении внутреннего воспроизводства рабского населения в Риме и Италии хорошо обоснован в книге Е. М. Штаерман «Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике» (М., 1964). В рецензируемой работе по сути дела он подкрепляется дополнительными данными. Доказано, что теория о неразрывной связи расцвета и упадка рабства с числом поступающих на рабские рынки пленных еще более убедительна для империи, чем для республики (стр. 5).

воспроизводство, продажа пленных, импорт рабов из-за границы, порабощение свободных, а затем римских граждан — посредством как закабаления должников, так и узаконенной с середины II в. самопродажи свободнорожденных. «В этом смысле рабство в последний век принципата приближается по типу к рабству восточному» (стр. 24). Следует подчеркнуть, что Е. М. Штаерман, как кажется, впервые должным образом оценивает значение аддиктов как источника рабства при Империи.

Таким образом, источники рабства для императорской Италии были разнообразны и никогда не иссякали, хотя их соотношение в разное время было различным.

Е. М. Штаерман уже в исследовании рабства Римской республики показала ведущую роль сельского хозяйства и занятых в нем невольников в рабовладельческой экономике периода ее расцвета. Складывавшиеся здесь отношения определяли и структуру общества, и основные классовые антагонизмы². Эти выводы получают дальнейшее развитие во второй главе рецензируемой работы. В I в. н. э. италийское сельское хозяйство, несмотря на различие размеров имений, было наиболее однородным, а удельный вес рабского труда в нем достиг своего максимума (стр. 30). Перед владельцами громадных латифундий и собственниками имений типа виллы Колумеллы стояли одинаковые трудности: организация и экономия труда. Сущность и характер главного противоречия рабовладельческого хозяйства выявлены в работе с большой конкретностью. Рациональное хозяйство, достигая определенной ступени развития, требовало инициативных работников. «Работников обучали, добивались их максимальной специализации, но они или не хотели проявлять инициативу, или внушали недоверие господам, твердо уверенным, что раб, наделенный живым умом и сообразительностью, обязательно употребит свои способности во зло» (стр. 38).

С середины II в. участками земли и инвентарем стали наделять рядовых рабов, которые часть доходов вносили хозяину, часть оставляли себе (стр. 42). «Перевод рабов на положение колонов был принципиально новым шагом, чреватым многими последствиями» (стр. 43). С середины II в. имения стали передавать группам отпущенников (стр. 51). Все это делалось в расчете на увеличение доходности. Значит, за счет рабов и отпущенников с середины II в. постоянно пополнялось число колонов. Из этого делается важный и новый в нашей литературе вывод, разъясняющий «механизм» кризиса рабовладельческой экономики: «Расслоение рабов начинается среди прежде монолитного основного эксплуатируемого класса — класса сельских рабов» (стр. 53).

Что касается колоната, то и в нем намечались существенные перемены. Колоны постепенно тягивались в производственный процесс и в господской части имения. Они беднели, попадали под влияние крупных владельцев целыми семьями (стр. 58). Во II—III вв. происходило укрепление связи имений с инвентарем, в который включались рабы, а потом и колоны (стр. 61). «Пройдя долгий путь, колонат как будто вернулся к тому, с чего начал, — к колонату-клиентеле, характерному для периодов разложения первобытнообщинного строя» (стр. 64).

В работе показаны разные пути эволюции колонатных отношений и развития новых типов крупного землевладения. Е. М. Штаерман полагает, что существовало два пути развития крупного землевладения на основе мелкого производства: 1) начиная с середины II в., магнаты стали переводить рабов на положение колонов, сажать на землю отпущенников, организуя некое подобие общины; начинается сближение сельских рабов со свободными колонами, которые, в свою очередь, деградируют до близкого к рабскому положению; 2) к тому же периоду относятся все более настойчивые попытки магнатов подчинить своему влиянию мелких и средних землевладельцев. Особенно быстро этот процесс протекает там, где сохранялись свободные крестьяне, жившие по пагам и селам. Они попадали в зависимость индивидуально и коллективно. Этот путь становления крупного хозяйства, способного к устойчивому существованию и росту только при освоении свободного крестьянского труда, Е. М. Штаерман считает более перспективным. Вывод весьма интересный, но вопрос, на наш взгляд, нуждается в дальнейшем исследовании.

² См. Штаерман, Расцвет рабовладельческих отношений..., стр. 67 и 254.

В третьей главе рецензируемой работы рассматривается рабство в ремесле и городских фамилиях. В эпоху Империи ремесленное производство в Италии достигло высшего расцвета и совершенства. Именно в ремесле, раньше чем в сельском хозяйстве, окрепла связь предприятия с его живым инвентарем (стр. 74). Труд ремесленников стал шире использоваться в крупных частных хозяйствах. Рабы-ремесленники различались по имущественному положению, по степени самостоятельности в ведении дела. «Таким образом, среди городских рабов, как занятых в ремесле или торговле, так и работавших непосредственно в господских хозяйствах, дифференциация становилась все более резкой» (стр. 87).

После расцвета в I в. н.э. италийское ремесло постепенно стало клониться к упадку. Объясняется это и состоянием рынка, и несовершенством рабского труда (стр. 87). Развивается практика найма ремесленников из числа рабов. «Положение было то же, что и в сельском хозяйстве: появление и распространение отличных от, так сказать, классических форм эксплуатации рабов вело к их расслоению, к сближению в какой-то их части со свободными, но, с другой стороны, обуславливало втягивание масс свободных в сферу действия рабовладельческих отношений» (стр. 88). В городских фамилиях (как и в имениях) владельцы стали уделять особое внимание духовной жизни рабов. Именно это «было новым явлением по сравнению со временем Республики» (стр. 91).

Глава четвертая посвящена частным вольноотпущенникам. Полезен и интересен подробный и конкретный очерк способов отпуска на волю, прав и обязанностей отпущенников, эволюции их положения на протяжении первых трех веков Империи. Очень существенны наблюдения автора над различием между предусмотренным законом и фактическими взаимоотношениями патронов и отпущенников. Яркие страницы уделены стремлению рабов к свободе (стр. 108 сл.). Не пересказывая всего содержания главы, отметим обоснованность общих выводов о связи судеб отпущенников с развитием и упадком товарно-денежных отношений, городского ремесла, торговли. Как и в прежних работах³, Е. М. Штаерман подчеркивает, что само развитие отпущенничества не было связано с кризисом рабовладельческого способа производства. «Симптомом кризиса,— пишет она,— было развитие отпуска сельских рабов, при Республике лишь изредка получавших вольную, так как оно стоит в одном ряду с такими явлениями, как развитие издольного колоната, перевод рабов на положение колонов... и т. п.» (стр. 135).

Совершенно особое место в жизни римского общества ранней Империи занимали рабы и отпущенники прицепса. Их положение рассматривается в пятой главе. Сразу же отмечу, что заголовок ее — «Императорские и городские рабы и отпущенники», — может быть, стоило сформулировать точнее, так как выражение «городские рабы» недостаточно определено (оно может быть понято и как «живущие в городе»).

Очень существенными представляются замечания автора о том, что императорские рабы и отпущенники с самого возникновения Империи играли значительную роль не только в императорском хозяйстве, но и в бюрократическом дворцовом аппарате, причем «дворцовые и общегосударственные ведомства тесно переплетались, особенно в первое время» (стр. 138). Эта тесная связь между ведомствами позволяла рабам и отпущенникам, занятым во дворце или управлении императорским имуществом, оказывать влияние на дела, выходявшие за рамки их непосредственной компетенции. Написи императорских рабов и отпущенников показывают также, что «порядок прохождения должностей для несвободнорожденного персонала управленческого аппарата не был столь строго регламентирован, как для лиц других сословий».

Автор останавливается и на вопросах внутренней организации императорской фамилии. В книге наглядно показано, как в результате эволюции и роста специализации рабско-отпущеннической администрации различных ведомств императорские рабы и отпущенники «все более превращаются в некую корпорацию, скорее напоминающую уже не челядь богатых и знатных господ, а более или менее стройно организованное чиновничество» (стр. 155).

³ Ср. Штаерман, Расцвет рабовладельческих отношений ..., стр. 114 и сл.

Рассмотрение большого материала источников приводит автора к важному выводу о том, что императорские рабы и отпущенники, селившиеся в провинциях, были, наряду с армией и ветеранами, постоянными проводниками правительственной политики «романизации римских идей и культов, пользовавшихся официальным покровительством» (стр. 148).

К императорским рабам и отпущенникам приближались по юридическому положению, характеру деятельности рабы и отпущенники городов (стр. 162), хотя их роль в политической жизни не была столь заметной.

Пятой главой завершается, я бы сказал, первая часть монографии. Собранный в ней богатый материал ярко характеризует основные группы, из которых состояло несвободнорожденное население Империи, и хорошо обосновывает вывод о том, что состав несвободнорожденных сословий в изучаемую эпоху «был достаточно сложен и многослоен, а поэтому говорить о рабах и либертинах в целом, пытаться найти какие-то приложимые ко всем им определения и закономерности совершенно неправомерно. Положение каждой из групп в разные периоды определялось различными и своеобразными факторами» (стр. 166).

Глава шестая — о «рабском вопросе» — принадлежит к самым интересным в книге. В ней убедительно показано, что вопреки высказывавшемуся в западной историографии мнению, «именно при Империи политические деятели, юристы, философы, писатели уделяют рабам и рабству гораздо больше внимания, чем при Республике», и это несмотря на то, что крупнейшие восстания невольников относятся ко II—I вв. до н.э. (стр. 167). Далее раскрываются причины возникновения и остроты «рабского вопроса».

Сделанный ранее вывод о том, что чувство страха перед образованными рабами ставило неразрешимые хозяйственные проблемы, позволяет Е. М. Штаерман под этим углом зрения рассматривать поиски путей к разрешению «рабского вопроса» и их теоретические обоснования.

Исходя из верной предпосылки о различном отношении разных категорий собственников к рабам, автор на большом и ярком материале показывает, как подходили к «рабскому вопросу» мелкие и средние италийские собственники, выходцы из эллинистических провинций, муниципальные круги, интеллигенция, крупные собственники. Читатель может видеть, что «рабский вопрос» отразился в сочинениях римских авторов I—III вв. так же, как «крестьянский вопрос» в русской литературе XIX в. или «рабочий вопрос» в литературе капиталистических стран XX в. Однако, как правильно подчеркнуто в рецензируемой работе, сходство между указанными «вопросами» ограничивается тем, что они возникают на кризисном этапе развития разных общественных структур, основанных на эксплуатации. Разрешаются они совершенно по-разному, в зависимости от характера формаций. При переходе к феодализму пережитки рабства сохранялись очень долго и даже, как отмечал Ф. Энгельс, укрепляли позиции землевладельцев относительно крепостных. Рабство как институт не было отменено. Поэтому радикальные предложения по разрешению «рабского вопроса» отсутствовали, и мысль древних, как правило, не шла дальше смягчения рабства.

Взгляды различных социальных групп на «рабский вопрос» отразились в соответствующих аспектах императорской политики, которые рассматриваются в седьмой главе. В ней подчеркивается, что «с самого начала существования Империи правительство стало уделять значительно больше внимания несвободнорожденным сословиям» (стр. 192). Оно стремилось, с одной стороны, взять на себя карательные функции, с другой, — принимало меры, несколько противодействовавшие жестокости господ. Эти тенденции развивались на протяжении всей истории принципата, хотя политика правительства не всегда отличалась последовательностью, поскольку в ней отражалось действие разных и разнородных факторов (заинтересованность в преданности соответствующих слоев отпущенников и рабов, через которых можно было бы воздействовать на свободный и несвободный городской плебс; социальная демагогия принципата, не чуждавшаяся фразеологии, унаследованной от популяров; несовпадение сословной и классовой принадлежности ряда групп населения и т. д.).

Автор прослеживает эволюцию политики императоров и вскрывает ее причины:

законодательство определялось не только запросами тех или иных прослоек знати (хотя они учитывались), но и переменами в фактическом положении рабов и отпущенников. Весь ход хозяйственного развития требовал моральной и материальной заинтересованности рабов. Это вело к наделению хотя бы привилегированных их категорий средствами производства. Тем самым происходило фактическое, а отчасти и юридическое сближение некоторых групп рабов со свободными собственниками. С другой стороны, с конца II и в III в. свободные нередко становились рабами (прецеденты для этого появились еще в I в. н.э.). Изменения в сословно-классовой структуре общества стали важным фактором, определявшим политику правительства⁴.

Однако Е. М. Штаерман не ограничивается исследованием общих тенденций. Рассматриваются и более частные факторы, воздействовавшие на политику в отношении рабов и отпущенников: конкуренция свободнорожденной интеллигенции (стр. 209), богатство определенных прослоек несвободнорожденных сословий (стр. 217) и т. д. Социальная реальность оказывала решающее влияние на политику. Меры, противоречащие жизненной практике, оказывались безрезультатными (законодательство и действия императора Коммода — см. стр. 217). Напротив, то, что соответствовало ей, зрочно устанавливалось (запрещение взимать с отпущенников деньги вместо отработок, стр. 225).

Итак, при Империи произошли глубокие сдвиги в отношении к рабам и отпущенникам. Государство все активнее вмешивалось в автономный мирок фамилии, а рабы из подданных ее главы все больше трансформировались в подданных государства. Именно этим и определялась императорская политика по отношению к несвободнорожденным (и вообще к низам общества): террористическими методами подавляли в них «дух мятежа», уступками в конкретных случаях предотвращали самую возможность восстаний (стр. 227).

Очень интересно сравнение этих явлений со сходными в других антагонистических формациях. Е. М. Штаерман отмечает, что в периоды их становления (речь идет о феодализме и капитализме) господствующий класс опирается на грубую силу, открыто эксплуатирует крепостных или пролетариев. По мере назревания кризисных явлений, при обострении связанной с ними классовой борьбы развиваются внешне смягченные формы эксплуатации, создается впечатление, будто положение основного эксплуатируемого класса улучшается, а социальные противоречия сглаживаются. В действительности же «под видимым умиротворением назревает взрыв, призванный положить конец существованию данного способа производства» (стр. 223). Политика правительства, обусловленная этими процессами, стремясь влиять на них в обратном направлении, предотвратить этого взрыва не может (стр. 228)⁵.

Как уже говорилось, Е. М. Штаерман обращает внимание читателя на перегруппировку в сословно-классовой структуре общества Империи I—III вв. Результаты ее не были однозначны: как отмечает автор, рабовладельческие отношения не исчезали — они в известной мере и воспроизводились. «Если число свободных непрерывно пополнялось за счет рабов, то и рабское сословие возрастало за счет свободных... Рабовладель-

⁴ Е. М. Штаерман подчеркивает объективный характер причин перегруппировки в сословно-классовой структуре общества, сказавшейся на законодательстве и определившей кажущуюся противоречивой политику императоров. Изменилось отношение к важному принципу античного рабовладельческого общества — запрещению порабощения свободных. Этот вывод можно было бы развить, отметив, что произошел коренной сдвиг в классовых антагонизмах Римской империи III—IV вв, которые пролегли теперь между *honestiores* и *humiliores*. Этот сдвиг стал важной предпосылкой развития принципата в доминат. Ср. А. Л. К а ц, Классы и классовая борьба в Римской империи конца III — начала IV в., «Ученые записки КГЗПИ», вып. III, 1957, стр. 193 и сл.

⁵ Соглашаясь с безусловным внешним сходством эволюции политики в процессе движения формаций, основанных на эксплуатации, я хотел бы все-таки подчеркнуть особенности, характерные для рабовладельческого способа производства. Взрывов, подобных даже буржуазной революции, античность не знает. Из всего содержания монографии явствует, что рабство сменялось смягченными формами эксплуатации, а императорское правительство этих процессов и не пыталось сдерживать, стихийно действуя под напором объективных обстоятельств, оказывавшихся сильнее его.

ческое государство юридически оформило это качественно новое явление, как в скором времени оно оформило и низведение на уровень рабов прежде свободных колопов» (стр. 228—229). Вывод этот представляется новым и интересным, но требует оговорки. Ведь и новые рабы отличались от невольников времен Катона, и новые свободные — от староримских квиритов. Так что в целом тенденция к разложению рабства все-таки была сильнее, чем к возрождению его.

В свете сказанного нам не представляется бесспорным заключение о том, что императорское правительство «действовало в интересах мелких и средних собственников» (стр. 228). Может быть, этот вывод, относящийся к одному из аспектов императорского законодательства, не до конца убеждает именно потому, что общая проблема социальной направленности политики императоров (там, где она не касается рабов и отпущенников) выходит за рамки темы, исследуемой в монографии. Однако важнейшие выводы автора — о противоречивости правительственной политики в «рабском вопросе», о ее некоторых объективных результатах (укрепление позиции крупных землевладельцев, усиление центробежных тенденций в Империи) — интересны и плодотворны.

Глава восьмая — о классовой борьбе в Империи — представляет особый интерес. Мы видим, что хотя в императорскую эпоху отсутствуют крупные рабские восстания, «классовая борьба не утихает, а лишь принимает иные, менее заметные для поверхностного наблюдателя, но достаточно остро ощущавшиеся современниками формы» (стр. 230).

Е. М. Штаерман указывает на достаточно крупные выступления рабов, их бегство, участие в «бунтах черни», на появление рабско-крестьянских отрядов разбойников. Все это позволяет говорить о новом этапе классовой борьбы, когда «рабы, колонны и крестьяне совместно выступали против крупных собственников, а впоследствии против Римского государства» (стр. 233). Бегство рабов предстает в новом свете: оно вело к перегруппировке рабочей силы в пользу крупных собственников, к увеличению значимости наемного труда. Но особое внимание Е. М. Штаерман уделяет (основываясь на известном положении Энгельса о «моральной опоре» империи⁶) борьбе в идеологической сфере.

«И в общегосударственном, и в фамильном масштабе, — пишет она, — вопросы идеологии оказывались в центре внимания, идеологическая борьба приобретала роль, какой не имела в предыдущие периоды истории античного мира» (стр. 249). Если постоянные апелляции императоров к богам, обожествление самих императоров придавали религии особое значение, какого она не имела при Республике, то и внутри фамилий наблюдаются аналогичные явления. Если во II—I вв. до н.э. духовная жизнь рабов мало заботила господ, то теперь все большее распространение получают фамильные коллегии, где почитались Лары и Генций господина, и где рабы отправляли почетные должности. «Видимо, господа осознали возможную роль религии в моральном воздействии на рабов» (стр. 243).

Политика главы государства и глав фамилий («маленьких республик») в этом смысле, подчеркивает автор, полностью совпала. Свободная беднота и рабы (все более сближавшиеся друг с другом) отвечали на нее «растущим, хотя и пассивным, но достаточно эффективным сопротивлением» (стр. 246).

Е. М. Штаерман по-новому и, думается, правильно, оценивает всю значимость борьбы в идеологической сфере. «...Духовный абсентеизм, моральный анахоресис масс, в то время как правящий класс и государство были особенно заинтересованы в их идеологическом подчинении, медленно, но верно подрывали весь фундамент рабовладельческого общества и в известной мере закрывали ему непосредственный выход из того тупика, в который завели его обостряющиеся противоречия» (стр. 249). Подтверждением тому явилось широкое распространение христианства.

Жаль, что столь актуальная и почти не исследованная в нашей науке тема, как христианство и рабство, не выделена в специальную монографию, подобную, скажем, книге Е. М. Штаерман «Мораль и религия угнетенных классов Римской империи»

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 310—311.

(М., 1961). Хотелось бы надеяться, что М. К. Трофимова продолжит свои исследования. Пока мы располагаем лишь написанной ею главой о христианстве и рабстве по данным новозаветной литературы.

В соответствии с общими задачами рецензируемой книги М. К. Трофимова, рассматривая новозаветную литературу «с точки зрения ее целостности», пытается выявить тенденции, присущие ей в трактовке темы рабства (стр. 251). Недостаток места не позволяет остановиться здесь на важных и, думается, верных методологических установках автора. Укажем лишь на главные выводы.

В рецензируемой главе тщательно рассмотрены все упоминания о рабах в новозаветной литературе. Оказывается, что они служили либо раскрытию идеи могущества веры, либо обоснованию каких-то других общих идей. Обращение к образам рабов было приемом, воздействовавшим на воображение слушателей. «Рабы в... притчах... были для авторов чем-то вроде зерна горчичного, „которое, хотя меньше всех семян, но когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его“. Нужно было поразить воображение — и автор, не смущаясь, рисовал невероятную, с точки зрения ботаники, картину» (стр. 273). Но авторы евангелий не ставили проблему культивации злаков, точно так же, как не решали «рабского вопроса».

Новозаветных авторов «рабский вопрос» не волновал в качестве социального. Их занимали другие проблемы, деление людей на рабов и свободных отодвигалось для них на второй план. И это не случайно, а связано с тем, что «раннехристианское учение было ориентировано на перевод проблем внешнего мира (в первую очередь общественно-политических) в плоскость внутренней жизни каждого человека — религиозной и этической». Отсюда и основное, фундаментальное для новозаветной литературы деление людей по религиозно-нравственным признакам (стр. 274). Сказанное не значит, что в Новом завете вовсе отсутствуют вполне конкретные социальные обозначения. М. К. Трофимова исследует все случаи обращения авторов Нового завета к теме богатства и бедности и показывает, как вопрос социальный (общие симпатии к беднякам) превращается в этический (стр. 280). По отношению к религиозным ценностям, которые ранние христиане считали конечными в жизни человека, единственно сулившими ему спасение, они стояли за равенство, пренебрегая социальными и другими преградами между людьми (стр. 284). Но именно это в изучаемую эпоху и было формой социального протеста.

Однако ранние христиане жили в конкретной исторической среде. Поэтому перед ними возникал вопрос, как реализовать в ней свой религиозный идеал. На вопрос, кто мог спастись, они отвечали: «всякий». Но это не снимало другой проблемы, «как вести себя в чуждом их религиозным идеалам, но реально существовавшем и ежедневно вторгавшемся в их жизнь мире, как вести себя по отношению к постоянно дававшим знать о себе социальным перегородкам, по отношению к реальному делению на рабов и свободных» (стр. 285).

М. К. Трофимова показывает, что в данном случае, проповедуя покорность, ранние христиане оставались верными духу презрения к окружающему их миру, и выбранной по контрасту с ним религиозно-этической арене борьбы. В этой связи смело и интересно решен вопрос о пресловутых противоречиях в социальных мотивах новозаветной литературы. Проповедуя равенство людей перед лицом религии, ранние христиане приходили к проповеди покорности, идеализации безропотного подчинения. Равенство и покорность — категории разного порядка, но в какой-то момент они по своей исторической значимости оказывались в известной мере близки (см. стр. 290). В раннем христианстве происходила спиритуализация социальных понятий «рабство» и «свобода», но сам этот факт связан с реально существовавшим антагонизмом между свободными и рабами. Образ страдающего раба использован в новозаветной литературе как наиболее выразительный и прямо связан с зарождением новой религии (стр. 291—292).

Итак, М. К. Трофимова разобрала множество сведений, связанных с рабами и рабством в новозаветной литературе. Одни из них касаются реального рабства, другие трактуют его в переносном смысле. В первом случае, при посредстве образов рабов,

иллюстрируются общие религиозно-этические положения, во втором — категории социальные заменяются религиозно-этическими. Значит, в новозаветной литературе «рабский вопрос» в его социальном аспекте отсутствует. Он способствовал возникновению новой религии, но «приходится отличать плод от почвы», на которой он вырос. Однако само отсутствие «рабского вопроса» в раннехристианской литературе, уход от дискутирования социальных проблем в религию и этику, проповедь покорности для обоснования незначительности социально-политических проблем, сравнительно с ценностями высшего порядка, — все это для II в. н.э. было «выражением недовольства людей всем строем жизни, ее социальными и политическими условиями, культурой» (стр. 294).

Но если в новозаветной литературе не стоит «рабский вопрос» (а это доказано М. К. Трофимовой), то достаточно ли разбора этой литературы для решения проблемы отношения ранних христиан к рабству? Ведь он все-таки обсуждался христианскими писателями той эпохи, которая исследуется в монографии. Автор пишет: «С момента возникновения христианского учения в нем была заложена возможность толкования его, так сказать, в сугубо реалистическом смысле» (стр. 295). Такие толкования (а они были) нуждаются в детальном исследовании именно в свете поднятых в монографии вопросов.

Книга завершается обстоятельным «Заключением» (написано Е. М. Штаерман), где намечены основные линии развития и упадка рабовладельческого строя. Нет нужды излагать здесь весь ход мыслей автора — «Заключение» само написано достаточно кратко и ясно. Укажем лишь на наиболее важные моменты.

Для концепции автора важно положение о том, что в условиях античности рабовладельческое производство могло быть устойчиво лишь в мелких и средних ячейках. Крупное же хозяйство, основанное на рабском труде, оказывалось нестабильным. Оно тяготело к дробной структуре и открывало дорогу широкому распространению аренды, колоната и т. п. Относительное единство методов эксплуатации, характерное для начала Империи, нарушалось. Поэтому с упадком мелкого и среднего производства начинается (для Италии в середине II в. н. э.) кризис всего способа производства в целом.

Е. М. Штаерман подчеркивает, что в античности развитие производительных сил шло не за счет технического прогресса (как иногда думают по аналогии с новым временем), а за счет накопления и осмысления агротехнического опыта, повышения квалификации работников, совершенствования организации рабочей силы. «Именно такой путь развития производительных сил и приходил в неразрешимое противоречие с производственными отношениями» античного рабовладельческого общества, в чем и была сущность кризиса (стр. 301).

Проявления кризиса были многообразны: изменился характер эксплуатации рабов (посаженные на землю, они превратились в квазиколоннов), возрождались община, натурализовалось хозяйство, падало значение городов, усиливался бюрократический аппарат, обожествлялась императорская власть — происходило (хотя и неравномерно в разных частях Империи) то, что называют «варваризацией» или «ориентализацией» Империи.

Античный город, базировавшийся на античной форме собственности, становился препятствием на пути развития новых отношений («в орбиту своего влияния рабов постепенно, в известной мере, втягивало центральное правительство, но не города... Колонны оставались гражданами городов, а, следовательно, землевладелец не мог получить над ними ни юридической, ни политической власти...» — стр. 310). Поэтому «возможности нового пути складывались вне античной формы собственности» (стр. 312), и в историческом процессе на первый план выходили силы, не связанные с античными отношениями: внутри Империи — владельцы экзимирированных салтусов, закабаленное свободное крестьянство; вне ее — варвары. Институты античного общества и государства подрывались и изнутри — расслоение сословий и сплочение низших слоев трудящегося населения создали условия для идеологического протеста, подрывавшего моральную опору античного государства.

Автор полагает, что «раз античное рабство, достигшее своего наиболее полного развития в Италии, именно там оказалось бессильным само по себе и из себя породить силы для дальнейшего прогресса», то правильнее считать его не обязательным этапом на магистральной всемирно-исторической линии развития, а скорее «ответвлением, порожденным специфическими условиями исторической среды» (стр. 313).

Существенным представляется заключительный вывод автора о том, что конец существованию античной формы собственности и всех связанных с нею институтов (от муниципального строя до опиравшегося на него государства) был положен насильственно, и события, расчистившие таким образом путь для развития феодальной собственности, могут рассматриваться как революция.

Отметим, однако, что этот вывод по существу уже выводит читателя за пределы конкретного материала книги, вводя его в круг вопросов⁷, требующих изучения конкретного материала IV—V вв. в масштабах всей Империи, а также дальнейшего изучения закономерностей смены формаций. Будем надеяться, что такие работы появятся.

Отдельные частные положения рецензируемой монографии могли бы, на наш взгляд, быть уточнены или оспорены. О некоторых из них уже упоминалось. К ним можно добавить, например, оценки таких явлений, как расслоение рабов в ремесле (не было ли оно проявлением кризиса рабства в этой отрасли?) или динамика развития вольноотпущенничества в связи с кризисом рабства в тех или иных отраслях производства.

Есть в книге и мелкие недочеты по недосмотру, и опечатки. Впрочем, все это совершенно незначительно. Работа Е. М. Штаерман и М. К. Трофимовой — важный вклад в разработку проблем античного рабства.

А. Л. Кац

⁷ Подробнее о них см. А. Л. Кац, Проблема падения Римской империи в советской историографии, ВДИ, 1967, № 2, стр. 227—228.